Р1ф
Л152
14975

Библіотека „Русской Мысли“.

14975

X.

Стихотворенія.

В. Н. Ладыженскаго.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, соб. домъ.
1896.

П 15

единственная

М - 7087 - ред

Софьѣ Всеволодовнѣ Тиховой на добрую

Библіотека „Русской Мысли“.

память отъ преданнаго ей Автора

X.

В. Ладыженскій

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пенза

25 февр 98 г.

В. Н. Ладыженскаго.

Р1 ср
Л158

Народная Библіотека - Читальня имени [illegible]

ФЕВ 2009

Пенз. Обл. б-ка имени М. Ю. Лермонтова Читальный зал

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, соб. домъ.
1896.

Дозволено цензурою. Москва, 31 іюля 1896 г.

2001 г.

4084-рец.

Пенз. областная
Биб... ТЕКА
им. М. Ю. Лермонтова

Библиотека - Читальня имени В. И. Ленина

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Поэтамъ будущаго 7
2. Смѣняясь быстрой чередой 8
3. Блаженъ, кто съ вѣрою святою . . . . . —
4. Затерявшійся крикъ 9
5. Холодной осени суровые порывы 10
6. Греза 11
7. На новый годъ 12
8. Утесъ 13
9. На мѣстахъ душистыхъ розъ . . . . . —
10. Хлѣба и зрѣлищъ 14
11. Изъ библіи 15
12. Данаиды 17
13. Я собралъ свои пѣсни . . . . . —
14. Отъ шума города я радостно бѣжалъ 18
15. Нѣтъ, не гадай мнѣ о счастьѣ 19
16. Я знаю, дитя, ты не любишь меня 20
17. Мнѣ говорятъ, долой мечты . . . . . —
18. Печаль моя растетъ 21

Стр.

19. Лишь только догоритъ вечерняя заря 22
20. Я помню дни: я погибалъ 23
21. Изъ неотосланнаго письма. 24
22. Пѣвицѣ 27
23. Когда, пробившись изъ-за тучъ . . . . . —
24. Тихо ночка темнокрылая 28
25. Память ребенка. 29
26. Всеволоду Ф—ку. 30
27. Ронсевальскій бой 31
28. Новгородскій пиръ. 33
29. На родинѣ 34
30. Ребенкомъ помню я себя въ деревнѣ 36
31. Нянѣ 37
32. Вчера былъ хмурый день 39
33. Молитва. 40
34. При огонькѣ. 41
35. Затишье, ни звука. 42
36. Сумерки. 43
37. Нищій. 44
38. Гроза 45
39. На могилѣ Лермонтова 46
40. Умирающій пѣвецъ 48
41. Облака 49
42. Народной учительницѣ 50
43. Богатство, знаете ль, его я не хочу. 51
44. Когда зимой въ степи безбрежной. 52

Стр.

45. Христосъ воскресъ. 53
46. Отрывки изъ дневника 54
47. Изъ Фр. Коппе 61
48. Ты знаешь, я, Творецъ, безсиленъ предъ тобой 62
49. Элегія (изъ В. Гюго) 63
50. Предразсвѣтная пѣснь. 64
51. Изъ Байрона 65
52. Изъ В. Гюго. 66
53. Сонъ (изъ Гейне) 67
54. Венеры (изъ С. Прюдома) 73
55. Сонетъ (изъ А. Мюссэ) 74
56. Я ихъ не зналъ, мгновеній свѣтлыхъ счастья. 75

Поэтамъ будущаго.

(На мотивъ изъ Сюлли Прюдома.)

Поэты мощные грядущихъ поколѣній,
Вамъ пѣсни лучшія назначены судьбой,
И яркимъ пламенемъ великихъ вдохновеній
Разсѣете вы мракъ надъ міромъ вѣковой.

Тогда уже давно холодною могилой
Мы будемъ взяты всѣ, и пѣсенъ нашихъ звукъ
Замретъ предъ пѣснею, исполненною силой,—
Предъ пѣснею, гдѣ нѣтъ страданія и мукъ.

Но вспомните тогда, что гимны мы слагали
И пѣли о любви, и пѣли о цвѣтахъ
Подъ стукъ оружія, подъ тяжкій стонъ печали,
Чтобъ пробудить любовь въ озлобленныхъ сердцахъ.

И вспомните тогда вы нашихъ пѣснопѣній
Тоской подсказанный, рыданій полный звукъ,—
Поэты мощные грядущихъ поколѣній
И пѣсенъ, сложенныхъ безъ горя и безъ мукъ.

* *
*

Смѣняясь быстрой чередой,
Проходятъ дни, проходятъ годы,
И жаль мнѣ жизни молодой,
Какъ заключенному свободы.

А жизнь не ждетъ. За ней толпой
Бѣгутъ вопросы безъ отвѣта:
Ужели пѣснь твоя пропѣта
И конченъ путь твой трудовой?

Подъ гнетомъ пошлости пустой
Замрутъ ли робкіе напѣвы,
Какъ чахнутъ раннею весной
Едва всходящіе посѣвы?...

* *
*

Блаженъ, кто съ вѣрою святою
Могъ къ цѣли доблестной идти,
Кто непогодой и грозою
Задержанъ не былъ на пути.

Блаженъ, кому дана судьбою
Отвага мощнаго бойца:

Прекрасенъ лавръ, рукой родною
Вплетенный въ терн его вѣнца.

Но не кори, страна родная,
И тѣхъ, кто палъ на полпути,
И ихъ, какъ мать благословляя,
За ихъ любовь къ тебѣ—прости.

Затерявшійся крикъ.

(Изъ Сюлли Прюдома.)

Изъ тьмы неоглядной прошедшихъ вѣковъ
Мнѣ чудится образъ порою,
Онъ молодъ и блѣденъ, и взоръ такъ суровъ,—
Стоитъ онъ съ рабочей толпою.

Ихъ солнце Египта нещадно палитъ,
Какъ смерть, безотрадна ихъ доля:
Собрала на гибель имъ тяжкій гранитъ
Хеопса могучая воля.

Но онъ, этотъ юноша,—блѣденъ и слабъ,—
Не вынесъ труда рокового,
И съ крикомъ склонился измученный рабъ
На глыбы гранита нѣмого;

Склонился, но снова подняться не могъ,
А крикъ тотъ сквозь волны зопра
Къ звѣздамъ, гдѣ читаетъ сѣдой астрологъ
Судьбы развращеннаго міра

Понесся, рыдая... И ищетъ боговъ,
И ищетъ онъ правды далекой...
Но въ царственной славѣ спитъ тридцать вѣковъ
Хеопсъ въ пирамидѣ высокой.

---

* * *

(Виктору Александровичу Гольцеву).

Холодной осени суровые порывы
Сорвали прочь съ лѣсовъ таинственный уборъ:
Безъ грусти о быломъ, угрюмы, молчаливы,
Покорно приняли они свой приговоръ.

И только дубъ одинъ листвою пожелтѣлой
Задумчиво шумитъ о чудныхъ дняхъ весны,
Какъ будто отклика въ природѣ омертвѣлой
Онъ ждетъ опять себѣ на радужные сны.

И только онъ одинъ въ толпѣ своихъ собратій,
Тоскуя о быломъ, не можетъ позабыть

Небесной синевы трепещущихъ объятій
И ласокъ полудня не въ силахъ разлюбить.

Такъ сердце вѣщее подъ жизненной грозою
И лицемѣрія и злобной клеветы—
Все не смиряется предъ тяжкою судьбою
И все еще хранитъ завѣтныя мечты.

И пусть кругомъ толпа, покорная невзгодѣ,
Въ тупомъ отчаяньи уныло дни влачитъ,—
Въ немъ живъ еще призывъ и къ счастью, и къ свободѣ
И яркимъ свѣточемъ любовь еще горитъ.

Греза.

Когда, утомясь отъ дневной суеты,
Отъ звона цѣпей и отъ оргій разврата,
Въ безсильномъ сознаньи своей нищеты
Земля засыпаетъ, дремотой объята,
И тихо идетъ къ ней желанная ночь
Въ вѣнцѣ изъ созвѣздій, съ улыбкой привѣта,
Не спитъ тогда мощной фантазіи дочь—
Печальная греза поэта.

О нѣтъ, если есть въ этотъ мигъ на землѣ
Страдалецъ больной, позабытый любовью,
Она къ нему тихо войдетъ, и во мглѣ,
Тоскуя, приникнетъ къ его изголовью;
Но только-что,—вѣстникъ земной суеты,—
Вдали загорится полоска разсвѣта,
Умчится опять она въ царство мечты—
Въ печальное сердце поэта.

На новый годъ (90).

Нѣтъ, я не радостно встрѣчаю новый годъ:
Онъ жадной смерти кличъ надъ бездною могилы;
Рѣдѣетъ строй бойцовъ. За кѣмъ теперь чередъ?
Падетъ ли юноша въ расцвѣтѣ гордой силы,
Иль лавры старика, добытые въ бою
За правду и любовь, сомнутся безпощадно?
Грядущее силънѣй томитъ печаль мою,
И новый годъ идетъ съ тоскою безотрадной.
Какъ радостный напѣвъ въ день грустныхъ по-
хоронъ,
Какъ пира скучнаго тяжелое похмѣлье—
Противенъ мнѣ заздравный кубковъ звонъ
И въ этотъ мигъ людей привычное веселье.

Утесъ.

(Изъ Сюлли Прюдома.)

Разъ двое взошли на утесъ вѣковой
И очи закрыли, и слушали море.
—Ко мнѣ звуки рая несутся волной!
—Я слышу стонъ ада, въ немъ вѣчное горе!

И оба очнулись. Предъ ними шумѣлъ
Сѣдой океанъ, и волна говорила,
Но каждому разную пѣсню онъ пѣлъ,—
Ту пѣсню, что жизнь имъ въ сердцахъ ихъ сложила.

***

На лепесткахъ душистыхъ розъ
Алмазы брошены росою,
Такъ въ нашихъ пѣсняхъ капли слезъ
Сверкаютъ, вызваны тоскою.

Алмазы тѣ, склонясь къ цвѣтамъ,
Прогонитъ лаской лучъ разсвѣта,
Но нѣтъ забвенія слезамъ
Въ душѣ тоскующей поэта.

Хлѣба и зрѣлищъ.

Хлѣба и зрѣлищъ! О цезарь, скорѣй!
Ихъ жажда томитъ наслажденья.
Пусть кровью рабовъ обагренъ Колизей,
Толпа, словно жадная стая звѣрей,
Восторгами встрѣтитъ мученья.
Скорѣй! И прославитъ ихъ рабскій языкъ
Развратнаго Рима могучихъ владыкъ.

Но палъ дряхлый міръ, захлебнувшись въ крови;
Съ Востока—святого ученья
Примчалось великое слово любви:
Какъ ложны, народъ, были боги твои,
Какъ тяжекъ позоръ преступленья!
И циркъ опустѣлъ, гладіаторовъ нѣтъ,
Но въ мірѣ ихъ мѣсто ты занялъ, поэтъ.

По-прежнему хлѣба лишь проситъ толпа,
Какъ встарь она ждетъ наслажденій,
Смѣшна ей за истину въ мірѣ борьба,
И встрѣтитъ холодной усмѣшкой раба
Она твою скорбь нѣснопѣній,
И броситъ тебѣ твой лавровый вѣнецъ
За смертныя муки, за горькій конецъ.

Изъ Библіи.

I.

Внемли, Израиль, средь пустыни
Въ своихъ раскинутыхъ шатрахъ!
Не бойся вражеской гордыни:
Ее развѣю Я какъ прахъ.
Ты былъ рабомъ у фараона,
Твои Я цѣпи расковалъ
И для тебя слова закона
Въ громахъ и молніяхъ сказалъ
Гдѣ конь врага, гдѣ колесница?
Смотри—ихъ нѣтъ, твоихъ враговъ,
Тебя унесъ Я, какъ орлица
Своихъ безпомощныхъ птенцовъ.
Не для тебя-ль изъ скалъ Хорива
Живой источникъ побѣжалъ?
И вотъ—душа твоя пуглива,
И вотъ—ты снова возропталъ!
Какъ отъ проказы, отъ порока,
Народъ избранный, берегись,
И слову грозному пророка
Душой мятежной покорись.

II.

Народный кличъ, дѣтей молитвы
И старцевъ гордыя хвалы...
Ужель въ пылу кровавой битвы
Склонились римскіе орлы?
Ужель свободна Іудея,
И царь, вождями окруженъ,
Идетъ возсѣсть на праздный тронъ,
Святымъ восторгомъ пламенѣя?
Но нѣтъ, мечтамъ синедріона
Смѣются римскіе полки:
Онъ нищъ и кротокъ, царь Сіона,
И съ нимъ простые рыбаки.
Греми-жъ, хвалебное осанна,
Греми въ сердечной простотѣ:
Рѣшеньемъ злобы и обмана
Онъ будетъ распятъ на крестѣ,
Но и на немъ томясь, страдая,
Онъ будетъ жить въ дали вѣковъ,
И въ міръ, любя и всепрощая,
Умчится слово рыбаковъ.

Данаиды.

(На мотивъ изъ Сюлли Прюдома.)

Склонясь подъ ношею и отдыха не зная,
Рабыни вѣчнаго, ненужнаго труда,
Идутъ къ бездонной урнѣ дочери Даная.
Но прочь бѣжитъ, смѣясь, журчащая вода.
Напрасно у небесъ разгнѣванныхъ ихъ взоры
Порою молятъ жалости: года бѣгутъ,
А казни нѣта конца, и тяжкія амфоры
Ихъ плечи нѣжныя мучительно гнетутъ.
Когда же, утомясь отъ вѣчнаго страданья,
Слабѣютъ силы ихъ, одна изъ нихъ поетъ,
И пѣснь ея звучитъ имъ гимномъ упованья.
Но къ мукамъ снова ихъ недремлющимъ зоветъ.
Не такъ ли и людей ихъ радостныя грезы
Надежда робкая и будитъ и живитъ;
Пусть падаютъ мечты среди житейской прозы —
Для новыхъ мукъ и слезъ она ихъ воскреситъ.

***

Я собралъ свои пѣсни съ весеннихъ цвѣтовъ,
Я подслушалъ ихъ въ рощѣ тѣнистой,

Цен... областная
БИБ... КА
им. М. Ю. Лермонтова

Подъ задумчивый шелестъ могучихъ дубовъ,
Я сложилъ ихъ средь ночи душистой,
И послалъ я ихъ людямъ — въ ихъ горестный міръ,

Міръ обмана, цѣпей и разврата,
Гдѣ нажива царитъ, какъ священный кумиръ,
Торжествуя надъ гибелью брата.
И растоптаны пѣсни мои... И въ пыли
Я собралъ ихъ, сгорая любовью,
Но торжественнымъ гимномъ звучать не могли
Эти пѣсни, омытыя кровью!
И принесъ я ихъ милой. Но грустно она
Своей умной головкой качала,
И въ тѣхъ пѣсняхъ, что мнѣ подсказала весна,
Пѣсенъ страсти она не узнала.

***

Отъ шума города я радостно бѣжалъ
Къ степямъ роднымъ, какъ узникъ изъ темницы,
Покоя я молилъ, забвенья я искалъ...
И замеръ гулъ покинутой столицы.
И снова предо мной синѣющая даль,

Лазурь небесъ, просторъ ихъ безграничный,
Но въ душу крадется знакомая печаль,
Какъ старый другъ, какъ гость привычный.
И шепчетъ мнѣ она: не вѣрь, просторъ полей
Не дастъ тебѣ желаннаго забвенья,
Любовь безумная давно въ душѣ твоей
Зажгла тоску,—и нѣтъ ей исцѣленья!
На муки обреченъ, свой жалкій приговоръ
Съ собою ты принесъ къ степямъ отчизны,—
Вотъ отчего тебѣ тяжелъ ея просторъ,
Какъ слово горькой укоризны.

---

* * *

Нѣтъ, не гадай мнѣ о счастьѣ,
Радостныхъ дней не сули,
Въ сердцѣ былыя надежды
Раннія грозы сожгли.

Спятъ онѣ тамъ, какъ въ могилѣ,
И не пробудятся вновь:
Что пощадила въ нихъ злоба,—
Все доконала любовь.

Нѣтъ, не гадай мнѣ о счастьѣ,
Лжетъ мнѣ искусство твое,
Жизнь безъ пріюта и ласки—
Горькое счастье мое!

---

* * *

Я знаю, дитя, ты не любишь меня,
Не мнѣ улыбнутся тѣ глазки,
Что, къ свѣтлому празднику счастья маня,
Сулятъ безконечныя ласки.

Въ житейской борьбѣ, какъ всегда одинокъ,
Растрачу я гордыя силы,
И сердце мнѣ шепчетъ, что путь недалекъ
До жадно зовущей могилы.

Я знаю, дитя, ты не любишь меня,
И счастья отъ жизни не жду я;
Зачѣмъ же забыть не могу я тебя,
Зачѣмъ же тебя такъ люблю я?..

---

* * *

Мнѣ говорятъ, долой мечты,—
Онѣ, какъ призраки, обманутъ;

Больной фантазіи цвѣты
Не расцвѣтутъ и ужъ завянутъ.

Мнѣ говорятъ: лишь только тотъ
Достоинъ ласки и участья,
Кто міръ за вражій станъ сочтетъ
И какъ добычу—вырветъ счастье.

Я внемлю скорбной имъ душой,
И міръ мнѣ кажется пустыней;
Такъ жрецъ стоитъ въ тоскѣ святой
Передъ поруганной святыней.

---

* * *

Печаль моя растетъ, какъ волны въ часъ прилива,

Безумно вновь минувшаго мнѣ жаль.
И свѣтлая мечта уносится пугливо
Куда-то прочь, въ невѣдомую даль.

Такъ пусть же, милая, твой голосъ серебристый
Мнѣ повторитъ еще, что любишь ты,—
И путь мой, путь, давно унылый и тернистый,
Усѣютъ вновь весенніе цвѣты,

Лишь зашепчи опять по-дѣтски торопливо
Ты ласки мнѣ,—и отъ волшебныхъ словъ
Печаль моя бѣжитъ, какъ волны въ часъ отлива
Отъ недоступныхъ береговъ.

---

* *
*

Лишь только догоритъ вечерняя заря,
И мѣсяцъ, пробудясь за дальнею горою,
Зальетъ сіяніемъ безбрежныя поля,
И сумракъ побѣжитъ трепещущей волною,—
Отъ жалкой суеты и отъ заботъ дневныхъ,
Я въ поле ухожу тропинкою знакомой:
Здѣсь не смутитъ ничто завѣтныхъ думъ моихъ,
И встрѣтитъ ночь меня и лаской, и истомой.
А утомясь бродить, люблю въ тѣни вѣтвей
Прилечь и отдохнуть у рощи молчаливой.
Часовня старая стоитъ тамъ, и подъ ней
Забытый ключъ шумитъ волною говорливой,
И слышно, какъ въ лугахъ кричатъ коростели
За рѣчкой, гдѣ туманъ серебряный клубится...
Душа отзывчивѣй въ часъ отдыха земли:
Какъ въ дѣтствѣ я бы могъ заплакать и молиться.

И я молюсь тогда. Тоскуя и любя,
Я у небесъ прошу въ словахъ святой молитвы
Не долгихъ, тихихъ дней, не счастья для себя—
Бойца, уставшаго въ пылу житейской битвы,—
За душу чистую молюсь я въ этотъ мигъ,
Чья жизнь не тронута позорной клеветою,
Кого, какъ въ праздникъ, міръ, — прекрасенъ и
великъ,—
Зоветъ обманчивой, нарядной пестротою.
Что ждетъ ее? Какъ знать! Но тщетно я порой
Такъ страстно у судьбы молю себѣ отвѣта.
Судьба не выдастъ тайнъ, — какъ сумракъ за
рѣкой,
Исполненный безмолвнаго привѣта.

---

* *
*

Я помню дни: я погибалъ,
Но въ сердцѣ, сумракомъ одѣтомъ,
Твой голосъ милый прозвучалъ
Случайнымъ, можетъ быть, привѣтомъ.
И я люблю тебя съ тѣхъ поръ...
Люблю восторженныя рѣчи,
Люблю задумчивый твой взоръ,

И въ каждый мигъ короткой встрѣчи
Моя пугливая мечта
Въ волшебный край меня уноситъ,
И ласки рвутся на уста,
И сердце снова счастья проситъ.
Какъ будто можетъ вспыхнуть вновь
Заря погасшаго разсвѣта,
Иль замѣнить твою любовь—
Слова случайнаго привѣта.

Изъ не отосланнаго письма.

...Зачѣмъ я вамъ пишу? Не правда ли, смѣшно
Будить мечты, которымъ нѣтъ возврата?
Но ночь томитъ меня, стучась въ мое окно;
Такъ холодомъ душа моя объята,
Что вы простите мнѣ желанье поболтать
Хоть издали съ давно забытымъ другомъ...
Не бойтесь, о любви не стану я рыдать,
Не ждите-жъ слезъ съ презрительнымъ испугомъ!
Любовь свободная,—безъ рабства и цѣпей,
Гдѣ нищихъ нѣтъ и, значитъ, подаяній,—
Какъ сонъ, вы помните, жила въ душѣ моей,

И свѣтлый рой моихъ воспоминаній
Не долженъ васъ смутить. Я помню кроткій взоръ,
Вашъ милый взоръ, гдѣ я читалъ участье,
Да ласково тогда звучавшій мнѣ укоръ
За то, что я не могъ повѣрить въ счастье.
Вѣдь вы не сердитесь? Не правда ли, смѣшно
Встрѣчать теперь холодною улыбкой
Что̀ въ нѣдрахъ прошлаго безъ слезъ погребено,
Что̀, можетъ быть, признали вы ошибкой?
Мнѣ просто хочется сказать вамъ, что всегда,
Гдѣ-бъ ни былъ я, о васъ воспоминанья
Зовутъ меня къ труду, какъ путника звѣзда
Зоветъ опять на долгій путь скитанья,
И хочется сказать спасибо вамъ за все:
За счастья мигъ, блеснувшій предо мною,
За этотъ краткій мигъ, сознаніе мое
Зажегшій вновь надеждою святою.
За это прошлое—еще спасибо вамъ...
Я вамъ пишу, и сердцу легче стало,
И мысль моя летитъ къ далекимъ берегамъ,
Гдѣ, вѣроятно, вы—царицей бала.
И кстати ночь прошла. Надъ дремлющимъ
селомъ

Разсвѣтъ встаетъ чуть видной полосою,
И тѣни по степи расходятся кругомъ
Какой-то странной синевою.
Еще мгновеніе—и яркій блескъ лучей
Зальетъ снѣга, алмазами усѣетъ,
И ночи скучный мракъ, и боль въ душѣ моей
На цѣлый день властительно развѣетъ...
И онъ пришелъ ко мнѣ, желанный мой разсвѣтъ!
Мнѣ стыдно, что рука моя солгала:
Я знаю, безъ тебя мнѣ въ мірѣ счастья нѣтъ,
Мнѣ въ эту ночь лишь гордость диктовала
Слова намѣренно-небрежнаго письма,
И я имъ самъ не вѣрилъ ни мгновенья:
Жизнь безъ тебя пуста, какъ мрачная тюрьма,
Гдѣ каждый новый день—звено мученья...
Жить только для тебя, и жить тобой одной,
Дѣлиться всѣмъ, что жизнь бы намъ послала,
И вмѣстѣ-бъ пошутить надъ ревностью-змѣей,
Которая мнѣ душу истерзала!
Прости мнѣ, милая, я дольше лгать не могъ:
Мнѣ въ эту ночь такъ тягостно и больно,
Что тщетно я борюсь съ собой, и—видитъ Богъ—
Признанье вырвалось невольно.

Пѣвицѣ.

Она пѣла, и чудные звуки
Къ небесамъ уносились волной—
Разсказать про страданья и муки,
Про тоску этой жизни земной.

Но къ тѣмъ звукамъ любовью сгорая,
Не хотѣлъ и не могъ я понять,
Что они изъ далекаго рая
Не вернутся на землю опять.

Что, какъ блескъ отдаленной зарницы,
Будутъ звуки тѣ жить въ небесахъ,
Да въ тоскующемъ сердцѣ пѣвицы,
Да въ безумныхъ поэта мечтахъ.

***

Когда, пробившись изъ-за тучъ,
Въ осенній день, ненастья полный,
Освѣтитъ ярко солнца лучъ
Лѣсъ обнаженный и безмолвный,—
Онъ снова, кажется, живетъ,
Дождемъ омытый, какъ слезами,

И ждешь, что птица запоетъ,
И ждешь, что встрѣтишься съ цвѣтами.
Но быстро гаснетъ блескъ лучей,
Мгновенный блескъ, манившій счастьемъ,
И лѣсъ угрюмѣй и мрачнѣй
Стоитъ, окутанный ненастьемъ.
Такъ и въ душѣ моей больной
Твой голосъ—ласковый и нѣжный—
Звучалъ и счастьемъ, и весной,
И звалъ меня въ міръ грезъ безбрежный.
Онъ отзвучалъ. Сильнѣй печаль
Томитъ меня, какъ мракъ ненастья,
И грезъ несбывшихся мнѣ жаль,
И жалко призрачнаго счастья.

---

* *
*

Тихо ночка темнокрылая
Пролетаетъ надъ землей,
Гдѣ-то льется пѣснь унылая,
Омраченная слезой.

Подожди, пѣвецъ тоскующій:
Ночка темная пройдетъ

И, воскреснувъ, день ликующій
Людямъ счастье принесетъ.

Отдохнетъ земля усталая,
Околдованная сномъ,
И заблещетъ зорька алая
Въ небѣ ясно-голубомъ.

Памяти ребенка

Едва, бывало, солнце встанетъ
И изъ-за рощи молодой
Горячій лучъ его проглянетъ
И затрепещетъ надъ водой;
Едва порывомъ жаркой ласки
Онъ тронетъ сонные цвѣты,—
Смѣясь и протирая глазки,
Въ мой садикъ выбѣгала ты.
И пробуждался садикъ дикій,
Весь въ блескѣ утреннихъ лучей,
Предъ жрицей маленькой своей
Въ простомъ вѣнкѣ изъ павлики...
Но смяты осенью ненастной
Давно въ саду моемъ цвѣты,

И ты ушла, мой гость прекрасный,
И не вернешься больше ты.
Тамъ, гдѣ на сѣверѣ, рыдая,
Метель холодная шумитъ,
Твою могилу ангелъ рая—
Печальный ангелъ—сторожитъ.

Всеволоду Ф—ку.

Спать пора. Шалилъ ты много...
Поцѣлуй еще меня,
И съ тобой заснетъ тревога
Угасающаго дня.

***

Всѣ заснутъ. Твоя лошадка
Деревянная заснетъ...
Въ спальнѣ свѣтится лампадка;
Въ спальнѣ бабушка насъ ждетъ.

***

Ты усталъ. Семья родная
Будетъ сонъ твой сторожить,
Будетъ бабушка сѣдая
Внуку сказку говорить.

***

А когда съ лучемъ разсвѣта
Прибѣжишь ко мнѣ ты вновь,
Лепетъ дѣтскаго привѣта
Встрѣтитъ ласку и любовь.

ИЗЪ ПѢСЕНЪ О РОЛАНДѢ.

Ронсевальскій бой.

Трубитъ въ Ронсевалѣ въ свой рогъ золотой
Въ отчаяньи рыцарь могучій...
Откликнулись громомъ и лѣсъ вѣковой,
И горъ отдаленныя кручи.

Нахлынули Мавры, какъ горный потокъ,
Прорвавшій внезапно стремнины,
И въ битвѣ неравной Роландъ изнемогъ
Среди Ронсевальской долины.

***

Зоветъ онъ на помощь. И слышитъ съ тоской
Властитель призывные звуки,
Узналъ онъ Роландъ, и твой рогъ золотой,
И сердца тревожныя муки.

***

Толпою вассаловъ своихъ окруженъ,
Спѣшитъ онъ къ тебѣ издалеча;
Но смертный царитъ надъ долиною сонъ,
И смолкла кровавая сѣча.

***

Средь труповъ безмолвныхъ, разбитыхъ мечей
Стоитъ императоръ угрюмый,—
Стоитъ съ безотрадной тоскою своей,
Съ своею тяжелою думой.

***

И молвитъ властитель: Роландъ дорогой!
Спи мирно въ печальной долинѣ,
Тебѣ – всепрощенье и вѣчный покой
И слава—почившей дружинѣ!

***

Вы будете жить въ вдохновеньи пѣвцовъ,
Васъ пѣсня обниметъ лаская,
И встанутъ безмолвныя тѣни бойцовъ
На стражѣ родимаго края.

Новгородскій пиръ.

(Легенда.)

Сіяетъ огнями посадницы домъ,
Гуторятъ веселыя рѣчи
Бояре за кубками съ фряжскимъ виномъ:
Не страшенъ Москвы самовластной имъ
громъ,
Смутившій великое вѣче.

Пируютъ бояре. Предъ ними пѣвецъ,
Хранитель преданій былого,
Поетъ про Садка, какъ ходилъ удалецъ
На синее море, гдѣ свѣта конецъ,
Какъ тѣшилъ царя водянаго.

Но грустно поникнувъ сѣдой головой
На пиршествѣ Марфы Борецкой,—
Въ молитвахъ заступникъ страны ихъ родной
На кроткихъ очахъ съ безотрадной слезой
Отшельникъ сидитъ соловецкой.

—Не мѣсто тебѣ на пиру удаломъ
Въ часъ поздній глухой полуночи:
Здѣсь искрятся кубки заморскимъ виномъ,

И ярче, чѣмъ звѣзды—зажглися огнемъ
Красавицъ грѣховныя очи.—

„Нѣтъ,—молвитъ онъ,—вижу я, други мои,
Кровавыя волны Шелони,
Настанутъ для родины горькіе дни:
Разбитыя, Новгородъ, рати твои—
Растопчутъ московскіе кони.

Грядущее грустно встаетъ предо мной,
Какъ утро изъ мглы и тумана;
Вамъ жребій кровавый назначенъ судьбой
И пытка, и плаха... Топоръ роковой
Ужъ точитъ вамъ гнѣвъ Іоанна".

Сіяетъ огнями посадницы домъ,
Но смолкли веселыя рѣчи;
Не тронуты кубки съ заморскимъ виномъ,
И шепчутъ смущенные гости кругомъ:
—Прости, новгородское вѣче!

На родинѣ.

Я приближался вновь къ полямъ моимъ роднымъ,
Я бросилъ повода, мой конь прибавилъ шагу...

Вонъ—церковь бѣлая съ крестомъ своимъ свя-
тымъ,
Вотъ—бѣдное село ютится по оврагу.
Внизу синѣетъ прудъ. Надъ гладью сонныхъ
водъ
Ветла объятія простерла одиноко,
Склонясь надъ прудомъ, садъ заброшенный цвѣ-
тетъ
И роща вдалекѣ задумалась глубоко.
Просторъ и тишина. Въ душѣ—опять покой;
Стихаетъ гнѣвный споръ мучительныхъ сомнѣній,
Воспоминанія такъ полны стариной
И дѣтства чистаго забытыхъ вдохновеній,
Что, кажется, сейчасъ я въ рощу убѣгу,
И въ шелестѣ дубовъ причудливую сказку
Услышу снова я, и лягу на лугу,
И встрѣчу вѣтерка задумчивую ласку,
Потомъ—въ старинный домъ, теперь давно пу-
стой,
Войду я радостный и, встрѣченный любовью,
Усну я тихимъ сномъ, и грезы надо мной,
Сплетаясь въ хороводъ, приникнутъ къ изго-
ловью...

Возможность счастія я сердцемъ вновь постигъ
И чувства разбудилъ давно въ душѣ нѣмыя.
Пусть это—только мигъ: за этотъ свѣтлый мигъ
Спасибо вамъ, поля мои родныя!

***

Ребенкомъ помню я себя въ деревнѣ. Старый домъ
Казался мнѣ дворцомъ прекраснымъ и огромнымъ;
Какъ я любилъ его и садъ, разросшійся кругомъ,
Съ его шатромъ вѣтвей—таинственнымъ и темнымъ!

Бывало, вечеромъ, едва поблекнутъ краски дня,
И мѣсяцъ броситъ лучъ на дремлющую ниву,
Ужъ я спѣшу съ мечтой, еще не ясной для меня,
Спѣшу къ знакомому обрыву.
Задумчиво смотрю я въ даль. Синѣющая мгла
Расходится кругомъ волною безконечной,
Порою пѣснь доносится изъ ближняго села,
И кажется она счастливой и безпечной.
Съ тѣхъ поръ прошло не мало лѣтъ. И для борьбы

Покинулъ рано я пріютъ поры счастлівой,
И, въ дѣтской гордости, грозы безжалостной
судьбы
Я ждалъ съ улыбкою кичливой.
Недолго ждать ее пришлось. Съ сомнѣньемъ и
тоской
Она пришла ко мнѣ,—я не считалъ удары:
Какъ милый прахъ, я провожалъ безсильною
слезой
И дружбы, и любви обманчивыя чары.
Вернулся я къ роднымъ полямъ, какъ старый
инвалидъ.
Вотъ ива, прудъ блеститъ померкнувшею сталью;
Все та же пѣснь доносится съ деревни, но звучитъ
Она безвыходной печалью.

Нянѣ.

Люблю я вечеромъ, измученный тоской,
Въ твой уголокъ зайти, голубка дорогая,
И въ смыслъ рѣчей твоихъ, печальный и простой,
Какъ въ дѣтствѣ проникать, отъ горя отдыхая.
Невозмутимая, святая тишина

Какъ вѣрный стражъ хранитъ покой уединенный
И на тебя глядитъ такъ кротко съ полотна
Прекрасный ликъ Христа, лампадой озаренный.
Обычный свой чулокъ ты вяжешь какъ всегда,
И въ старческихъ рукахъ мелькаютъ быстро спицы,
А на челѣ бѣгутъ и таютъ безъ слѣда
Воспоминаній вереницы.
О чемъ они? Какъ знать! О прошлыхъ ли годахъ,
Когда въ тебѣ ключомъ кипѣлъ избытокъ силы,
Иль о друзьяхъ, чей дорогой, чей милый прахъ
Безмолвно стерегутъ угрюмыя могилы.
Да, много, много ихъ! Тѣснѣе съ каждымъ днемъ
Онѣ росли кругомъ, оплаканы тобою;
На жизненномъ пути остались мы вдвоемъ
Другъ другу близкіе, и съ кроткою слезою—
Лишь только я уйду—молиться за меня,
Я знаю, будешь ты, голубка дорогая,
Пока въ окно разсвѣтъ ликующаго дня
Не брызнетъ, золотомъ играя...

*
* *

Вчера былъ хмурый день, а къ вечеру метель,
Крутясь въ пустыхъ поляхъ, сердитая завыла.
Гудитъ... Я раньше легъ, укрывшись, на постель.
И сказку страшную мнѣ няня говорила:
Какъ съ чародѣемъ въ страшномъ спорѣ
Сошлась толпа богатырей,
Какъ издыхалъ на дальнемъ морѣ,
Дрожа надъ золотомъ, Кощей...
И ночью снились мнѣ съ волшебникомъ сраженья,
Царевны милой плѣнъ, и замокъ надъ горой
Мнѣ въ грезахъ чудился, свидѣтель преступленья...
И сердце мнѣ томилъ зловѣщей тишиной...
Сегодня хмурый день прогнало снова солнце,
Озолотивъ поля смѣющимся лучомъ;
Морозъ причудливо убралъ мое оконце,
Узоры по стеклу разсыпалъ серебромъ.
Развѣялъ ясный день весь ужасъ страшной
сказки,—
Кощея больше нѣтъ и нѣтъ богатырей.
Смѣшно мнѣ, весело... и жду я только ласки...
О, мама милая, прійди ко мнѣ скорѣй!

———

Молитва.

Тихо въ комнатѣ. Лампада
Озаряетъ мракъ ночной,
И дитя молитву шепчетъ
Предъ иконою святой.

Маму, Боже, ты помилуй,
Няню, папу и меня,
Дай намъ въ счастьѣ свѣтломъ встрѣтить
Утро радостнаго дня.

И склоняясь надъ малюткой,
Няня тихо говоритъ:
Не забудь, дитя, что въ мірѣ
Горе горькое царитъ.

Помолись о тѣхъ, кто крова
Не имѣетъ, кто съ тоской
У своихъ же братьевъ хлѣба
Проситъ,—горекъ хлѣбъ такой.

И о тѣхъ, кто въ сердцѣ горе
И печаль свою таитъ
Помолись: пусть всѣхъ страдальцевъ
Милосердый Богъ хранитъ.

Вновь дитя молитву шепчетъ
Предъ иконою святой.
Няня крестится. Лампада
Озаряетъ мракъ ночной.

При огонькѣ.

Въ убогой избѣ, за промерзшимъ стекломъ
Огонь запоздалый мерцаетъ...
Царитъ непроглядная ночь надъ селомъ.
И снѣжная буря рыдаетъ.
Зачѣмъ же такъ поздно горитъ огонекъ?
Коротокъ ли день для работы,
Иль тотъ, кто несчастенъ, кто сиръ, одинокъ
И въ ночь не избудетъ заботы?
Но нѣтъ, тамъ за книгой сидитъ мальчуганъ,
Задумался... Снова читаетъ,
Не слышитъ, какъ бьется надъ степью буранъ,
Не видитъ, какъ ночь пролетаетъ.
Встаютъ передъ нимъ, какъ въ туманной дали
Прекрасныя, чуждыя страны,
Тамъ солнце съ любовью горитъ для земли,
Невѣдомы злые бураны;

Тамъ стройныхъ деревьевъ, тамъ чудныхъ цвѣтовъ
Долины прохладныя полны,
И скалы угрюмыхъ, нѣмыхъ береговъ
Ласкаютъ пѣвучія волны.
А завтра, окутанъ холодною мглой,
Чуть блѣдный разсвѣтъ загорится,
Все то, что подсказано пылкой мечтой
Отъ мальчика снова умчится.
И снова забота и тягостный трудъ...
Спасибо же свѣточу знанья,
Съ которымъ и бѣдные отдыхъ найдутъ,
И, вѣрно, бодрѣе свой крестъ понесутъ,
Исполненный мукъ и страданья.

---

* * *

Затишье... Ни звука. Листы не шумятъ,
И лѣсъ, и рѣка молчаливы,
И золотомъ брызжетъ огнистый закатъ
На даль засыпающей нивы.
Въ блѣднѣющихъ краскахъ желанный покой
Природа печально встрѣчаетъ,
Какъ будто ее этотъ лучъ золотой
Послѣднимъ лобзаньемъ смущаетъ...

Затишье... Покой. Но, вдали отъ людей,
Отъ ихъ суетливаго шума,
Печаль мое сердце сжимаетъ сильнѣй,
Томитъ неотвязная дума.
Ужели мнѣ жалко обманчивыхъ сновъ,
Несбывшихся грезъ и... страданья,
Какъ этой природѣ—заснувшихъ цвѣтовъ,
Какъ жалко ей солнца лобзанья?

Сумерки.

(М. Н. Альбову.)

Какая тишина! Недвиженъ воздухъ сонный;
Въ безсиліи упалъ вечерній вѣтерокъ,
И гаснетъ медленно, закатомъ озаренный,
Темнѣющихъ небесъ далекій уголокъ.

Я эту тишь люблю, прохладу послѣ зноя,
И сумрачную даль смолкающихъ полей,
И мирный сонъ села въ недолгій часъ покоя,
Который рокотомъ баюкаетъ ручей.

Печальной нищеты неясны очертанья
Подъ властью сумрачной, но мощной красоты

Невнятно говорятъ о тяжести страданья
Убогихъ избъ вдали знакомыя черты.

Какая тишина! Но то, что сердце гложетъ,
Звучитъ теперь въ душѣ обидѣй и болѣй.
Покой царитъ кругомъ, а сердце спать не можетъ
Съ печальной думою своей.

Нищій.

Часто вечеромъ нищій больной
Подаянія ждетъ у порога.
Онъ такъ бѣденъ, что нѣтъ у него
Ничего, кромѣ имени Бога.
Посмотри же, съ какою тоской
За кускомъ поднимаетъ онъ руку,
Посмотри—и въ печальныхъ очахъ
Ты прочтешь неисходную муку.
У другихъ есть и домъ, и семья,—
У него ни угла, ни пріюта:
Въ горькой жизни тоскливо бѣжитъ
Передъ нимъ за минутой минута.
Но, терпѣньемъ великъ, онъ Творца

Славитъ даже подъ ношею крестной.
Научись же любить и прощать
У него, въ его долѣ безвѣстной.

Гроза.

(Виктору Петровичу Острогорскому.)

Надъ грудью измученной зноемъ земли
Свинцовыя тучи кругомъ залегли;
Примчались онѣ съ береговъ океана—
Сѣдыя, холодныя дѣти тумана.
И вздрогнулъ листвою трепещущій лѣсъ
Подъ громомъ разгнѣванныхъ мрачныхъ небесъ.

Цвѣты и кустарникъ прикрывши собой,
Склонились дубы подъ мощной грозой,
И только березка одна молодая
Смѣялася бурѣ, на бой вызывая
Сѣдого тумана холодныхъ дѣтей:
Предъ ними она не преклонитъ вѣтвей.

«Подъ ясное небо цвѣтущей весны
Напрасно примчались вы, гнѣва сыны!
Скажите-жъ скорѣй васъ пославшему морю,

Что я молода и что съ вами поспорю.
Напрасно тѣснитесь вы мрачной толпой,
За счастіе братьевъ не страшенъ мнѣ бой!»

И тучи надвинулись ратью безшумной,
И принятъ былъ вызовъ березки безумный;
Огнями зажглися стальныя ихъ латы
И грянули грома глухіе раскаты.
Какъ въ плѣнъ—въ безконечныя дали степей
Угнало листы обнаженныхъ вѣтвей.

Когда же изъ мрачныхъ разорванныхъ тучъ
Пробился ласкающій солнечный лучъ,—
Умчалася дальше гроза роковая...
И только березка одна молодая,
Надломлена бурей, склонилась къ землѣ
Съ печалью нѣмой на кудрявомъ челѣ.

На могилѣ Лермонтова.

Какъ море, гладь степей раскинулась кругомъ,
Лишь изрѣдка мелькнетъ убогое селенье,
И церковь бѣдная, съ сіяющимъ крестомъ,
На мирныя поля зоветъ благословенье...

Такъ вотъ куда, пѣвецъ, всевластною мечтой
Такъ часто мысль тебя, тоскуя, уносила,
Загубленный пророкъ страны моей родной—
Великій Лермонтовъ, такъ вотъ твоя могила!
Цвѣтущія поля ласкаютъ жадный взоръ:
Вотъ старый домъ, и садъ, и милыя Тарханы,
И роща вдалекѣ, а тамъ опять просторъ,
Гдѣ вечеромъ въ степи синѣются туманы.
Какъ стая птицъ—на югъ несутся облака,
И если твой привѣтъ съ собой въ страну изгнанья,
Къ Казбеку вѣчному, снесутъ издалека,
То скажутъ, что поэтъ давно забылъ страданья,
Что горе спитъ въ землѣ, и что могильный сонъ
Ни клевета друзей, ни зависть не встревожитъ,
Что роемъ свѣтлыхъ грезъ покой твой окруженъ
И злоба самая развѣять ихъ не сможетъ.

---

* *
*

Но еслибъ иногда страны своей родной
Ты могъ бы видѣть жизнь,—проснулось бы мученье:
Печально-бъ ты глядѣлъ съ щемящею тоской

На племя жалкое, на „наше поколѣнье“.
Напрасно протекли привычной чередой
Полвѣка долгаго томительные годы,
Безславенъ, какъ и встарь, нашъ скучный путь земной,

И сами мы бѣжимъ отъ счастья и свободы.
Лишь наглой дерзостью твой слухъ бы поразилъ
Разнузданныхъ страстей пиръ далеко не новый
И съ головы вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый—
Ты самъ сорвалъ бы и разбилъ.

Умирающій пѣвецъ.

(Дорогой памяти А. Н. Плещеева.)

Пѣвецъ умиралъ, истомленный борьбой,
Въ немъ сердце сжималось предсмертной тоской.

Холодная вьюга, прощаясь, надъ нимъ
Рыдала, какъ мать надъ ребенкомъ больнымъ.

Ужъ смерть леденила страдальческій взоръ,
И въ скорби друзей онъ читалъ приговоръ;

И вѣчную ночь—свой желанный покой—
Страдалецъ встрѣчалъ безъисходной тоской.

Вдругъ слышитъ онъ пѣсню, несется она,
Любовью и нѣгой, и лаской полна,

И дышитъ свободнѣй усталая грудь
Подъ пѣсню пѣвцу такъ отрадно заснуть.

Онъ самъ эту пѣсню когда-то сложилъ,
Въ нее онъ любовь и мечты перелилъ;

Тѣ звуки къ забытому счастью зовутъ...
Пѣвцы умираютъ, но пѣсни живутъ!

Покой и прощенье—тому, кто любилъ,
Кто пѣснями людямъ, какъ братьямъ, служилъ.

Пусть вянутъ надъ бѣдной могилой цвѣты,
Но жить будутъ вѣчно любовь и мечты!

Облако.

Средь утра тихаго въ весенних̀ъ небесахъ
Несется облако куда-то издалека,
И гаснетъ, и горитъ горячій лучъ востока
Въ серебряныхъ краяхъ.

Свободный гость небесъ, завиденъ жребій твой!
Сомнѣній и тоски тебѣ чужда тревога,

Лазурью для тебя окована дорога
Безстрастною судьбой.

Когда-нибудь и я тоску земной мечты
Покину, какъ кошмаръ, какъ цѣпи роковыя
И такъ же, можетъ-быть, въ тѣ выси голубыя
Умчуся, какъ и ты.

Но все-жъ мнѣ будетъ жаль, безумно жаль тогда
Родной земли моей ошибокъ и страданій
И горькихъ слезъ ея—среди святыхъ желаній
И тяжкаго труда.

Народной учительницѣ.

Шумнаго города блескъ обаятельный,
Звуки веселыхъ рѣчей—
Не уживаются съ Музой моей
Скромной, немного мечтательной.

Вотъ и теперь: моя мысль далеко,
Тамъ, гдѣ стоитъ твоя школа убогая.
Что-жъ ты задумалась такъ глубоко,
Правды великой поборница строгая?

Что твою душу печалью томитъ?
Вьюга поетъ надъ полями безбрежными...
Развѣ, что̀ жадная память хранитъ,
Не примирилось съ метелями снѣжными?
Завтра вбѣгутъ они шумной гурьбой,
Какъ хороши ихъ привѣты несмѣлые...
И замелькаютъ опять предъ тобой
Головы темныя, русыя, бѣлыя.
О, научи же ихъ въ жизни хранить
Дѣтскую правду съ ихъ думами ясными,
Чтобъ и они могли такъ же любить,
Чтобы какъ ты—они были прекрасными!

---

* * *

Богатство!.. Знаете-ль, его я не хочу.
Не то, чтобъ презиралъ я суетныя блага,
Не то — чтобъ нищета пришлась мнѣ по плечу,
Какъ цинику его суровая отвага;
А просто потому, что все же я богатъ,
Землевладѣлецъ даже, если вы хотите,
Но только роскошью расписанныхъ палатъ,
Пировъ торжественныхъ вы отъ меня не ждите.

Есть уголокъ земли, и онъ безспорно мой.
Стоятъ надъ нимъ, какъ стражи, липы вѣковыя
И шепчутъ въ полуснѣ таинственной листвой,
И отгоняютъ прочь страданія земныя.
Когда же мѣсяца холодный, блѣдный лучъ
Освѣтитъ рядъ могилъ, какъ факелъ погребальный,

Онѣ пробудятся, и ропотъ ихъ могучъ,
И мѣсяцу въ отвѣтъ звучитъ ихъ гимнъ печальный.

Не правда-ль—онъ хорошъ, мой уголокъ земли?
Онъ мой, и принесетъ мнѣ дань свою—забвенье;
Тамъ сердцу близкіе давно уже легли
И липы шепчутъ имъ про вѣчность и... прощенье.

---

* * *

Когда зимой въ степи безбрежной
Усталый путникъ занесенъ
И слышитъ въ пѣснѣ вьюги снѣжной
Печальный отзвукъ похоронъ,—
Какъ онъ обрадованъ бываетъ,
Когда во мракѣ передъ нимъ

Огонь привѣтливый мелькаетъ.
Сомнѣнья прочь! Судьбой хранимъ,
Давно измученный, усталый,
Участьемъ дружескимъ согрѣтъ—
Найдетъ тамъ путникъ запоздалый
Тепло, и ласку, и привѣтъ.

Такъ я, измученный тоскою,
Къ тебѣ—и сиръ, и одинокъ—
Пришелъ на милый огонекъ,
Зажженный дружеской рукою.

---

* * *

Христосъ воскресъ! Скворцы поютъ
И, пробудясь, ликуютъ степи,
Въ снѣгахъ, журча, ручьи бѣгутъ
И съ звонкимъ смѣхомъ быстро рвутъ
Зимою скованныя цѣпи.
Еще задумчивъ темный лѣсъ,
Не вѣря счастью пробужденья.
Проснись! Пой пѣсню воскресенья—
Христосъ воскресъ!

Христосъ воскресъ! Въ любви лучахъ
Исчезнетъ скорби мрачный холодъ,
Пусть радость царствуетъ въ сердцахъ
И тѣхъ—кто старъ, и тѣхъ—кто молодъ.
Завѣтомъ благостныхъ небесъ
Звучитъ намъ пѣсня воскресенья,
Любви, и счастья, и прощенья—
Христосъ воскресъ!

Отрывки изъ дневника.

I.

Заснула дѣвочка. И я сажусь писать.
Зачѣмъ и для кого? Мнѣ все равно—не знаю,
Но молча тяжело и думать, и страдать,
Я боль душевныхъ ранъ бумагѣ повѣряю.
Сегодня дочь меня спросила про отца...
Мы разошлися съ нимъ, моя спокойна совѣсть
Честнѣе разойтись. Прочла я до конца
Обмановъ мелочныхъ мучительную повѣсть
И не виню его; но жалокъ онъ мнѣ былъ
Съ своимъ смущеніемъ, съ своей притворной мукой,

Когда, рыдая, мнѣ законами грозилъ
И съ дочерью моей фатальною разлукой.
Но это кончилось и, къ счастью, навсегда,
И я живу одна, одна съ своей малюткой;
Мы съ нимъ встрѣчаемся, онъ хмурится тогда
И говоритъ со мной съ какой-то плоской шуткой.
Я не люблю его. Меня тоска томитъ—
Холодный, мрачный слѣдъ обманутыхъ мечтаній,
И жаль мнѣ дочь мою: мнѣ сердце говоритъ,
Что путь нашъ—путь нужды, терпѣнья и страданій.
Что ждетъ ее потомъ? Отсутствіе семьи,
Насмѣшки, можетъ быть, да бѣдность роковая.
И если матери не станетъ, то любви
Не будетъ для тебя, малютка дорогая!

II.

Когда мнѣ грустно такъ, чтобъ думы заглушить
И разогнать кошмаръ, гнетущій лучъ сознанья,—
Безъ цѣли я люблю по городу бродить
До утомленія. Причудливыя зданья
Надъ берегомъ рѣки тѣснятся предо мной,
И глухо бьетъ волна въ граниты вѣковые,

Огни уходятъ вдаль, и лентой огневой
Отражены въ водѣ ихъ искры золотыя.
Тогда мнѣ кажутся и жалкимъ, и смѣшнымъ
Обиды мелкія, обманы и страданья,
Какъ вымыселъ пустой, и я смѣюсь надъ нимъ,
Ничтожнымъ ужасомъ романа безъ названья.
Вчера я вечеромъ зашла въ старинный храмъ;
Я съ дѣтства своего такъ сладко не молилась,
И волю я дала непрошеннымъ слезамъ,
И хоть на краткій мигъ съ собою примирилась.
Мнѣ вспомнился другой, старинный храмъ въ селѣ,
И гнѣзда голубей снаружи, на карнизѣ...
Священникъ старенькій, въ потертой, ветхой ризѣ
Молился небесамъ; на старческомъ челѣ
Надежда мирная въ торжественномъ покоѣ,
Какъ свѣточъ радостный, сіяла предо мной,—
Ребенкомъ я была; умчался сонъ святой,
Какъ радость, какъ любовь, какъ дѣтство золотое.

III.

Подруга пишетъ мнѣ. Разстались мы давно
Средь горькихъ слезъ и клятвъ, наивныхъ обѣ-
щаній,—

И вотъ ея письмо,—какъ далеко оно
Отъ институтскихъ обожаній!
Зоветъ меня къ себѣ и пишетъ, что нашла
Она покой и миръ въ далекой деревушкѣ,
Что лѣчитъ мужиковъ, что школу завела,
Что вечеромъ читаетъ матери-старушкѣ.
Довольна, счастлива, и хвалитъ свой просторъ,
Родныхъ степей и нивъ отрадную свободу...
Какъ свѣтской пустотѣ здѣсь горекъ приговоръ,
Какъ искренно звучитъ—служеніе народу!
Зачѣмъ же медлю я, зачѣмъ же не бѣгу
Туда, гдѣ такъ нужны живыя наши силы?
Но совѣсти своей солгать я не могу:
Пугаетъ степь меня безмолвіемъ могилы.
Живу я, какъ и всѣ. Мнѣ нуженъ шумъ людской,
Ихъ суетной толпы немолчное движенье,
Слѣды ихъ чувствъ и думъ подъ маской ледяной,
А тамъ... тамъ тишина и самоотверженье.

IV.

Сегодня вечеромъ мы встрѣтилися съ нимъ
И словно не было трехмѣсячной разлуки,

Онъ все, по-прежнему, немного нелюдимъ,
Но разговоръ остеръ и такъ далекъ отъ скуки,
Что съ нимъ болтала я почти что цѣлый часъ,
Но вспомнила, что мужъ меня къ нему ревнуетъ,
И отошла. Онъ смолкъ, съ меня не сводитъ глазъ,
И всѣ замѣтили, что встрѣча насъ волнуетъ,
Люблю ли я его? Скорѣе—не люблю,
И мужъ мой былъ неправъ въ безумныхъ оскорбленьяхъ,
Но встрѣчу съ нимъ всегда я съ жадностью ловлю,—
Онъ такъ уменъ, такъ простъ, изященъ въ выраженьяхъ...

V.

Два дня она въ бреду, два дня она больна,
И таютъ словно воскъ младенческія силы.
Мнѣ докторъ говоритъ: поправится она,
Какая-то борьба, какія-то бациллы...
Но строгость странная въ безжизненныхъ чертахъ...
Сегодня, бѣдная, все куклу наряжала;
И кутала ее, и грѣла на рукахъ,

И ласки дѣтскія такъ нѣжно ей шептала.
„Она поправится!“ Не вѣрю я ему,
Онъ ошибается, покорный жрецъ науки:
Есть воля высшая, предѣлы есть уму,—
Ему ли разгадать младенческія муки?
За что онѣ, за что? Всю ночь я не спала
И только предъ зарей тревожнымъ сномъ забылась,
Но греза страшная мнѣ сердце обвила,
И холодъ ледяной сковалъ меня. Мнѣ снилось,
Что сердце у меня живое изъ груди,
Живое вырвали... и я смѣюсь при этомъ...
Мнѣ кто-то говоритъ: „Вотъ кукла, поглядп“;
И въ гробикъ маленькій, обтянутый глазетомъ,
Не куклу,—дочь мою, съ цвѣтами въ волосахъ,
Кладутъ и съ хохотомъ парчею накрываютъ,
А жизнь все теплится въ нѣмыхъ ея чертахъ,
И блѣдныя черты внезапно оживаютъ.
Ужели я больна?

VI.

Холодная весна
Какъ будто сжалилась надъ мрачною столицей,
Къ гранитнымъ берегамъ ласкается волна,

И тучи къ западу умчались вереницей.
Не только что писать, но думать даже лѣнь;
Недавняя строка мнѣ будто незнакома.
Хорошъ на сѣверѣ весенній теплый день,
Но ласкъ нежданныхъ мнѣ мучительна истома.
Любви, одной любви! Тотъ счастливъ, кто любимъ,

И счастья, знаю я, иного не бываетъ.
Здорова дочь моя, играетъ часто съ нимъ,
Я съ завистью смотрю, какъ онъ ее ласкаетъ.
Любви, одной любви! Вся жизнь моя теперь
Лишь смутный рой мечты, томительныхъ желаній,
Какъ будто каждый мигъ ко мнѣ стучится въ дверь.

Неясный призракъ ожиданій

VII.

. . . . . .

О, спи, спокойно спи! Безъ шума надъ тобой
Вся въ свѣтломъ сумракѣ несется ночь нѣмая...
Къ твоей кроваткѣ мать склонилась головой,—
Покойной ночи, дорогая!

Когда-нибудь и ты съ мучительной тоской
Увидишь мой дневникъ и скажешь съ сожалѣньемъ:
„Вотъ образъ женщины, любимой въ дѣтствѣ мной!“—
И память матери окутаешь презрѣньемъ
За жажду жить, за ложь, которая кругомъ
Меня опутала, весну мою встрѣчая,
За думу горькую о счастіи твоемъ,
Прости меня тогда, малютка дорогая!..

Изъ Фр. Коппе.

I.

Въ глубокой тишинѣ, за лампой трудовой,
Сижу я и пишу,—любимая работа!
А рядомъ мать-старушка,—взоръ блеститъ слезой,
Но все же обо мнѣ въ немъ свѣтится забота...

О чемъ ты думаешь? О силѣ-ль роковой,
Что бросила меня въ недавнее изгнанье?
Вѣдь горе кончилось, и я опять съ тобой,—
Забудь же прошлое: разлуку и страданья!

Въ каминѣ ты теперь прибавила огня,
И пламя вспыхнуло, и весело играетъ:
Любя, ты холодъ ночи гонишь отъ меня...
О, мама, сынъ тебя благословляетъ!

II.

Въ пять лѣтъ ей часто поручали
Малютку брата, и его
Ручонки дѣтскія ласкали...
Теперь не нужно ничего.

Мгновенья жизни пролетѣли;
Онъ не рожденъ былъ для земли,
И, снявши мѣрку съ колыбели,
Малюткѣ гробикъ принесли.

Она ужъ больше не играетъ
И, хороня мечту свою,
Въ печали дѣтской повторяетъ:
— Я больше куколъ не люблю.

Съ французскаго.

Ты знаешь, я, Творецъ, безспленъ предъ Тобой,—
Ты видишь, я пою, исполненъ умиленья,

Цвѣты печальные земли моей родной,
Неполной радости бѣгущія мгновенія...

И если скорбь и мракъ царятъ въ душѣ моей,
И если я борюсь съ тоской моей глубокой,
Ты сумракъ разгони лучомъ любви своей
Въ душѣ, уставшей жить и въ мірѣ одинокой.

Такъ вянетъ на землѣ земная красота,
Такъ подо льдомъ трава зимою умираетъ.
Но свой глаголъ скорѣй пошли въ мои уста, —
Животворящій—Онъ все въ мірѣ оживляетъ.

Элегія.

(На мотивъ изъ Виктора Гюго.)

Сегодня въ облакахъ погаснулъ лучъ заката;
Придетъ гроза и ночь, но смѣнитъ снова день
Разсвѣтомъ радостнымъ трепещущую тѣнь:
Холодной вѣчности невѣдома утрата.

И эти дни пройдутъ. Пройдутъ они толпою
Надъ бездною морей, и надъ горой сѣдой,
Угрюмо дремлющей подъ шапкой снѣговою,
Надъ рощей тихою, надъ нивой золотой.

Да, эти дни пройдутъ. Но вѣчной красотою
Все будетъ міръ блистать, и съ новою весной
Ручей заговоритъ серебряной волною
И роща зашумитъ ожившею листвой.

А я... я скоро удалюсь, въ разгарѣ пира,
Все ниже съ каждымъ днемъ склоняясь головой,
И вѣчной красоты ликующаго міра
Уходъ мой не смутитъ печальною слезой.

Предразсвѣтная пѣснь.

(Изъ Провансальскихъ мотивовъ.)

Тебѣ—въ упоеніи нѣжномъ,
Мой другъ, посылаю привѣтъ;
Мнѣ жаль, что на небѣ безбрежномъ
Заблещетъ разсвѣтъ!

Полна эта ночь тихой лѣни,
И чаръ, и томленья любви...
Склонюсь я къ тебѣ на колѣни,—
Пусть жгутъ поцѣлуи твои!

О, еслибъ волшебною силой
Я могъ эту ночь удержать,

Чтобъ вѣчно склониться надъ милой
И кудри ея цѣловать.

Прости. Въ упоеніи нѣжномъ,
Прими мой прощальный привѣтъ.
Мнѣ жаль, что на небѣ безбрежномъ
Сіяетъ разсвѣтъ!

У водъ Вавилонскихъ.

(Изъ Байрона.)

У водъ Вавилонскихъ въ тоскѣ и слезахъ
Тебя мы, Солимъ, вспоминали,—
Тебя, чьи твердыни повержены въ прахъ,
Добычею вражеской стали.
И съ грустной мечтой объ отчизнѣ своей
Сливалися стоны твоихъ дочерей.

Съ тоской мы слѣдили, какъ плещутъ струи
Свободной рѣки Вавилона.
И врагъ намъ сказалъ: пойте пѣсни свои,
Священныя пѣсни Сіона.
Но нѣтъ, никогда эта пѣснь при врагахъ
Не станетъ звучать на чужихъ берегахъ.

На нвѣ отчизны залогъ дорогой
Ты, арфа родная, хранима,
И звукъ твой намъ долженъ быть пѣснью святой,
Свободною пѣснью Солима.
Такъ пусть же отсохнетъ десница моя,
Коль съ крикомъ враговъ пѣснь сольется твоя!

Изъ Виктора Гюго.

Я былъ одинъ, одинъ подъ кровомъ ночи звѣздной,
На тихомъ берегу, у свѣтлыхъ волнъ морскихъ...
Ни тучки въ небесахъ, ни паруса надъ бездной—
И только ночь плыла въ одеждахъ голубыхъ.

И горы, и лѣса, казалось, вопрошали
Про тайну у волны кочующей морей,
И небу, полному безчисленныхъ огней,
Вопросъ таинственный они передавали.

И волны синія, хребты свои склоняя,
Ихъ вольныя стада, которымъ власти нѣтъ,
На берегъ дремлющій въ волненьи набѣгая,
Покорно имъ несли торжественный отвѣтъ.

И звѣздный хоръ шепталъ, волнамъ холоднымъ
вторя,
И каждая звѣзда склоняла свой вѣнецъ,
И въ тихомъ шепотѣ, и въ звучномъ шумѣ моря
Я слышалъ: «это Ты, Создатель и Творецъ!

Сонъ.

(Изъ Гейне—къ Мушкѣ.)

Мнѣ снилось, что въ лунную ночь,
При трепетномъ блескѣ сіянья,
Тѣснился пышной толпой
Временъ возрожденія зданья.
Изъ груды обломковъ кой-гдѣ
Колонны вздымались главою,
Онѣ, словно громы небесъ,
На бой вызывали съ собою.
Лежали кругомъ на землѣ
Разбитые портики. Лица
Смѣшались на нихъ и людей
Съ звѣрями свела небылица...
И тутъ же стоялъ саркофагъ,
Рукою нетронутый тлѣнья;

Въ немъ тихо мертвецъ почивалъ
Съ улыбкой любви и терпѣнья.
Держали съ трудомъ саркофагъ
Фигуры, склонившія шеи
Среди безконечныхъ фигуръ,
Собой воплотившихъ идеи.
Собрался здѣсь цѣлый олимпъ
Со всѣми своими богами,
И тутъ же Адамъ, отъ стыда
Прикрывшійся смоквы листами.
Вотъ Троя пылаетъ. Парисъ
Такъ страстно цѣлуетъ Елену,
Въ борьбѣ за отчизну Юдифь
Приходитъ Парису на смѣну
Тутъ богъ Аполлонъ и Вулканъ,
Богъ Бахусъ и дама Венера,
Есфирь, Олофернъ и Аманъ,
Пріапъ, Ароновъ и Церера.
И тутъ же (совсѣмъ какъ живой)
Изваянъ оселъ Валаама,
А дальше—надъ жертвой святой
Господь искусилъ Авраама.
И пляшетъ здѣсь Ирода дочь

Съ главою пророка на блюдѣ,
Безмолвенъ апостолъ съ ключомъ...
Вотъ адъ, гдѣ такъ мучатся люди.
А дальше пошли чередой
Проказы и шашни Зевеса:
Вотъ сыплетъ онъ дождь золотой
Данаѣ; а вотъ Геркулеса
Представилъ художникъ: герой
Склонился надъ женской работой,
А нимфы съ Діаной толпой
Спѣшатъ на потѣху охотой.
И тутъ же видиѣлся Синай,
Израиль стоитъ у подножья
И споритъ съ раввиномъ дитя
О томъ, что есть истина Божья!
Какіе контрасты слились,
И какъ здѣсь различна идея:
Здѣсь есть легкомысленный миоъ
И строгая мысль Іудея!
А плющъ всѣ контрасты людей
Въ объятіяхъ братскихъ сжимаетъ.
И снится мнѣ,—самъ я мертвецъ,
Что въ этомъ гробу почиваетъ.

Стоитъ въ изголовьи цвѣтокъ
Загадочно чудный и новый,
Въ немъ ярко смѣшались цвѣта,
Цвѣтъ желтый и блѣдно-лиловый.
Народъ тотъ чудесный цвѣтокъ
Цвѣткомъ называетъ страданья;
Онъ выросъ изъ крови Того,
Кто вынесъ за міръ истязанья!
Онъ выросъ уликою лжи
Съ которой надъ Правымъ глумились,
И бичъ, и веревка, и крестъ
Въ томъ чудномъ цвѣткѣ отразились.
Склонился цвѣтокъ надо мной
И, въ трепетномъ сумракѣ ночи,
Какъ женщина, въ страстной тоскѣ,
Чело мнѣ цѣлуетъ и очи.
И въ грезахъ волшебнаго сна
Свершилась мечта золотая;
Я въ желтомъ цвѣткѣ томъ узналъ
Твой образъ, моя дорогая!
Была для меня ты цвѣткомъ,
Въ которомъ вмѣстились страданья,
Но выдали сразу тебя

И слезы твои, и лобзанья!
Не спрашивай ты никогда,
О чемъ говорили мы съ нею,
Спроси лучше звонкій ручей,
Что шепчетъ волною своею;
Спроси вѣтерокъ заревой,
О чемъ онъ, тоскуя, вздыхаетъ;
Спроси драгоцѣнный алмазъ,
Зачѣмъ онъ такъ ярко сіяетъ;
Спроси у фіалокъ ночныхъ
Зачѣмъ лепестки распустили,—
Не спрашивай только, о чемъ
Цвѣтокъ съ мертвецомъ говорили!
О смерть, только ты намъ даешь
Отраду въ могильномъ покоѣ,
А жизнь намъ какъ призракъ сулитъ
Свое наслажденье больное.
Недолго въ прекрасномъ гробу
Я радостнымъ сномъ наслаждался:
Жестокій, озлобленный споръ
Съ нѣмыхъ барельефовъ раздался.
Мой нѣжный, мой бѣдный цвѣтокъ
Испуганъ былъ дерзкимъ ихъ крикомъ...

А камни такъ важно вели
Свой споръ въ озлобленіи дикомъ.
И въ нихъ поселилась вражда,
И ихъ раздѣляетъ идея;
На крики лѣсного божка
Проклятья гремятъ Моисея
О, споръ этотъ старъ! Никогда
Не кончится онъ: съ красотою
То истина спорптъ,—онѣ
Отъ вѣка враги межъ собою.
Отъ вѣка онѣ и людей
Смертельной враждой раздѣлили,
И варварскій лагерь давно
И эллинскій имъ учредили,
И спорятъ онѣ безъ конца
Въ своемъ озлобленіи дикомъ.
Но всѣ голоса ихъ покрылъ
Оселъ Валаамовъ, и крикомъ
Онъ въ ужасъ повергнулъ меня:
Я въ страхѣ въ гробу содрогнулся,
И самъ закричалъ—и отъ грезъ
Въ тоскѣ безысходной очнулся.

Венеры.

(На мотивъ изъ Сюлли Прюдома.)

Я посѣтилъ пріютъ искусства—
Роскошный Лувръ. Передо мной
Чаруя взоръ, лаская чувства,
Сіяла гордой наготой
Толпа Венеръ. Едва казался
Дворецъ царей достойнымъ ихъ—
И я красою любовался
Ихъ формъ—холодныхъ и нагихъ.
Я уходилъ. Передо мною
Печальный образъ нищеты
Мелькнулъ съ тревожною мольбою,
Но съ той же властью красоты.
Лохмотья жалкія одежды,
Печать страданья на челѣ
И взоръ, молящій безъ надежды
О лучшей долѣ на землѣ;
Недавнихъ дней живыя муки,
Блескъ потухающихъ очей,
Иглой исколотыя руки—
Вотъ что я видѣлъ. Прочь скорѣй,

Дитя несчастья и страданья,
Торгуй на улицахъ собой!
Мы пріютили изваянья,
Но мы не тронемся мольбой.
Для красоты не жаль намъ траты,
Но вотъ суровый нашъ отвѣтъ:
Для женщинъ мраморныхъ палаты—
А для живыхъ—пріюта нѣтъ!

Сонетъ.

(Изъ Альфреда Мюссэ.)

Дитя, еслибъ даже былыя страданья
Опять въ моемъ сердцѣ проснуться могли,
И съ прежней тоскою и силой желанья,
Какъ осени поздней цвѣты, расцвѣли,

И еслибъ—невинна, чиста и прекрасна—
Меня ты, мой другъ, захотѣла плѣнить,—
Разбитое сердце не билось бы страстно,
Тебя я не могъ и не смѣлъ бы любить.

Но знаю я, другъ мой, обычной чредою
Придетъ и къ тебѣ мигъ волшебной любви,—
Онъ счастьемъ освѣтитъ всѣ грёзы твои,

Ничтожнымъ весь міръ будешь звать ты съ тоскою...
Тогда я, какъ братъ, свое сердце отдамъ
Мечтамъ твоимъ свѣтлымъ и... горькимъ слезамъ.

— . — —

Я ихъ не зналъ, мгновеній свѣтлыхъ счастья.
Съ болѣзненно-отзывчивой душой
Я росъ одинъ, безъ ласки и участья,
И пѣсенъ мать не пѣла надо мной.
Кругомъ лились страдальческія слезы,
Царилъ порокъ и рано отравилъ
Волшебныхъ сновъ младенческія грёзы,
Но я, какъ кладъ, въ душѣ ихъ сохранилъ.
Я пѣлъ любя. На трудный путь вступая,
Я слышалъ эхо смолкнувшей борьбы—
И для тебя, страна моя родная,
Молилъ я въ пѣсняхъ счастья у судьбы.
Прости меня: я въ твой вѣнокъ побѣдный,
Исполненный великой красоты,
Принесъ мой стихъ, тоскующій и блѣдный—
Грозой измятые цвѣты.

Библ...

1p

1 р.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

ПРИ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

В. М. Лаврова.

Москва,

Большая Никитская, д. 24.

Цѣна 25 коп.

Подписчики „Русской Мысли“ пользуются уступкой 10%.